

Луч Светы

Журнал
Выпуск 5
Декабрь

Читайте в номере:
Наталья Никольская
в рубрике
"В лучах Светы"

Территория Творчества
независимых авторов

Светлана Королева

Луч Светы. Журнал.
Выпуск 5. Декабрь

«Издательские решения»

Королева С.

Луч Светы. Журнал. Выпуск 5. Декабрь / С. Королева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960665-5

Журнал «Луч Светы» — это многоцветок, выбившийся на литературном, кипящем поле. Это новый формат объединения разнокалиберного творчества. Здесь есть то, за что обязательно зацепится ваша по-хорошему капризная и пытливая душа! Наслаждайтесь и с нетерпением ждите новых номеров! Искренне ваши, души независимых авторов-журналистов.

ISBN 978-5-44-960665-5

© Королева С.
© Издательские решения

Содержание

Луч Светы	6
«Сколько дорог истоптано...»	7
«Что же хочется больше всего?..»	8
В лучах Светы	9
Наталья Никольская	10
«Соберу я в ладони сказку...»	12
Значит – я жива	14
Я открою, если постучишь...	15
Манна небесная	16
Васильковых полей синь	17
Раскрытие таланта	20
Дар первый... Ирина Черницкая	21
Где-то звоном на колокольне...	22
А давай мы с тобой...	24
«Погибшие деревни...»	25
Дар второй – El Suleymanov	26
А знаешь, душа шепчет имя твое лишь, любимая...	28
А мне говорили, что нет настоящей любви...	29
Камуфляжные пятна на карте чумою зловещей...	30
Графский особняк	31
Удар по Балабанову	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Луч Светы

Журнал. Выпуск 5. Декабрь

Главный редактор Светлана Королева

Корректор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4496-0665-5 (т. 5)

ISBN 978-5-4493-3834-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Луч Светы

Всем привет! Зимний, снежный, завьюженный, предновогодний, чудесный, мандариновый! И это пятый номер нашего любимого журнала «Луч Светы». Я – Светлана Королева – главред этого электронного неиссякаемого литературно-творческого «глянца».

Этот выпуск – наш первый маленький юбилей! И я несказанно рада, что независимые авторы-журналисты пишут свои статьи с тем же горящим энтузиазмом, неподдельным желанием и творческим настроением, как и в самом начале. Хочу поблагодарить команду за труд, вложенный в каждую строку, за терпение, за яркий талант, за искренность! Спасибо вам! Давайте и дальше творить и вытворять: насыщенно, сочно и вкусно!

А теперь немного вытворчества от меня...

«Сколько дорог истоптано...»

Сколько дорог истоптано,
Сколько вымощено тропинок на улицы «нектебе»,
Сколько мелодий мимо нот и мимо судьбы невпопад сказанные
слова...
Все до тебя – бессмысленным опытом,
Дни до объятий твоих – листья, опавшие в октябре...
Милый, единственный, КАК я тебя ждала!

Верилось в то, что руками трогаешь, с доказательством.
В то, что наглядно, цело, ярко и перед носом.
В то, во что каждый со всей разумной ответственностью верует.
Фактами догола.
Ну, а теперь не верится даже в предлагаемые обстоятельства,
Вместе – нектар любви. И за руку – если со всех фронтов – занозы.
Милый, единственный, как я ТЕБЯ ждала!

Каждый, пускай самый крохотный и неприглядный угол мира –
возле тебя – ДОМ!
Взглядами передаем друг другу Божественные послания,
Каждая ночь – чувствами нашими искренними светла...
Катится, варится, кружится сам по себе мимобегущий мир, когда
мы вдвоем,
И исполняются самые потаенные, глубоко закопанные желания.
Милый! Единственный! Как я тебя ЖДАЛА!

«Что же хочется больше всего?..»

Что же хочется больше всего?

Обнять... Просто. Молча. Не думая и не играя.

Мимо ада и мимо рая.

И в объятиях-сердца почувствовать дом. А по сторонам – ничего.

Поцелуи. Сладки и медленны. Только наши. Безвременно-терпки.

И секундой каждой – невероятное наслаждение.

И любовь, у которой каждая клеточка – стихотворение.

Каждый вдох – счастье искренне- светлое и без фальши.

И сплетение рук. Как единое целое. Неразрывное, сильное-вечное.

Вместе – что угодно. И как угодно. И место любое – самое лучшее.

Абсолютно.

Если вдвоём, то и ветер всегда попутный.

Если вдвоем, то кружится время довольное-быстротечно.

Что же хочется больше всего?

Прижаться, обнять, растворить себя в тишине самых родных рук,

Разорвав навсегда эту тяжесть съедающих изнутри разлук.

В лучах Светы
Ведущая: Светлана Королева, г. Брянск

Наталья Никольская

В лучах Светы сегодня Наталья Никольская. Восхитительная женщина, разносторонняя яркая личность, талантливая поэтесса, издатель и не только... Стихи Натальи – чувственны, эмоциональны, наполнены женственностью, шармом и нежностью. Основная линия творчества этой поэтессы – созерцание. И это созерцание настолько насыщенное, что можно вместе с автором пережить каждое стихотворение. А теперь немного информации из уст Натальи Никольской...

Директор издательства «НИКАЛЕД», поэтесса, творческий псевдоним «Светлая», филолог, психолог, коуч, телесно-ориентированный терапевт.

Сборник стихов «Поэтический огонёк» Издательство «Навстречу ветру» 2017 г.

Сборник стихотворений (к 125-летию М.И.Цветаевой) «Голуби Серебряные» Издательство «Перископ-Волга» 2017 г.

Сборник стихотворений и малой прозы (к 125-летию К.Г.Паустовского) «Подводные ветры» Издательство «Перископ-Волга»

2018 г. Номинация на соискание национальной литературной премии «Поэт года» за 2017 год «Поэт года 2017 Книга тридцатая» Издательство РСРП 2018 г.

Сборник стихов «Современный дух поэзии» выпуск 4 Независимое издательство «Первая книга» 2018 г.

Номинация на соискание национальной литературной премии «Поэт года», «Дебют года» за 2018 год.

Сборник стихов современных авторов «Вдохновение» Выпуск 1,2,3 Издательство «НИКАЛЕД» 2018 г.

Сборник стихов современных авторов «Широка страна моя родная» (к 120-летию со дня рождения В. И. Лебедева-Кумача) Издательство «НИКАЛЕД» 2018 г.

*А теперь перейдем к образным, созерцательным произведениям
Натальи...*

«Соберу я в ладони сказку...»

«Соберу я в ладони сказку»

Крик в тиши неуёмно
Громок,
Это выпь или, может,
Душа.
Дайте мне поскорее
Посох —
Побреду вдоль дорог
Не спеша.
Воздух сыр и немного
Прянен,
На ветру колосится
Ковыль,
И восток до утра
Туманен,
Алым стелется неба
Ширь.
Перепутье дорог,
Заплетаюсь,
На край света манит
Меня,
Где-то там горизонт,
Улыбаясь,
Прекращает раздумья
Дня,
И табун лошадей
Игривых
По полям поднимает
Пыль,
В чаще слышно, как птиц
Переливы
Завершают дневной
Водевиль.
Не объять глубину
Небосвода,
Облаков кучерявую
Рать,
А в траве светлячков
Хороводы
Начинают, как звезды,
Сиять.

Зов к утру неуёмно
Ласков,
Соловей или, может,

Душа.
Соберу я в ладони
Сказку
И направлюсь домой
Не спеша...

Значит – я жива

Осень тяжким вздохом наполняет разум
Грустью и печалью... в трепете душа,
Не хватает слёз мне выплакать все сразу...
Снег слегка касаясь, кружит не спеша
В парке на скамейке старичок уныло
Провожает взглядом молодую стать.
Вспоминаю с горечью всё, что раньше было,
Ком подходит к горлу... что же за напасть
Слышно где-то эхо журавлиных песен,
Воробьи нахохлившись, кучками сидят
Этот мир огромен и немного тесен
Воробьям бы хлеба... вновь слезится взгляд
Лунный диск сползает по верхушкам сосен,
На ладонь упала жухлая листва,
Мы у жизни этой много и не просим,
Раз слеза скатилась, значит – я жива...

Я открою, если постучишь...

Я открою, если постучишь.
Все открою нараспашку двери.
Только ты по-прежнему молчишь,
А я жду по-прежнему и верю.
Что однажды утром на порог
Ты заглянешь, мило улыбаясь.
Я согрею, если ты продрог,
И почувствую, как вновь в тебя влюбляюсь.
Поцелую нежно, кофе заварю
И забуду грусти дней мытарство.
Я за всё тебя благодарю,
Ты – моё и счастье, и богатство.

Я открою, если постучишь...

Манна небесная

Метеорный поток
Персеиды,
Он известен миру
Давно,
Удивлюсь, если звезд
Мириады
Мне дождем постучат
В окно
Называют слезами
Лаврентия
Шоу звезд в эту летнюю
Ночь,
Могут сбыться людские
Желания —
Мир и счастье, печали
Прочь
Наибольшее звезд
Падение
Август дарит тем,
Кто готов,
В самом сердце Персея
Созвездия, —
И начала звёздных
Миров
Неожиданно сто
Метеоров,
Могут вспыхнуть, затмив
Рассвет
И поднимется тысячи
Взоров
Из окон на Парад
Комет
Может быть одинокий
Странник
Размышляя о вечном
В пути
Удивится небесной
Манне
И захочет любовь
Обрести...

Васильковых полей синь

Васильковых полей
Синь,
Опьяняя, зовет
Вдаль,
Сандалеты свои ты
Скинь,
Босиком по земле
Ступай,
Защекочет трава
Ступни,
Холодком отрезвит
Роса,
Суету ты забыть
Рискни,
Чуть заслышав птиц
Голоса.
Сладковатый клевера
Вкус
Погревожит мохнатый
Шмель,
Я в стога нагишом
Завалюсь,
Пусть измятая будет
Постель.
Земляники поспевшей
Цвет
Не уймёт наших буйных
Ласк,
На губах нам оставит
След,
Поцелуям терпкость
Придаст.
Обними меня
Посильней,
Зацелуй до утренних
Зорь.
Где-то слышен зов
Косарей,
Эхо гулкое, им ты
Вторь.

Поутру солнце бросит
В жар,
Чуть коснувшись твоей
Наготы,

Ты попробуй испить
Нектар
И волос коснись
Золотых.
Новый смысл подарит
День,
Лишь объятя свои
Раскинь,
И прогонит ночную
Тень,
А вокруг – васильковая
Синь...

Раскрытие таланта

Ведущая: Светлана Королева, г. Брянск

Приветствую всех в своей уютной, любимой комнатке-рубрике. Сюда я выпускаю только самых, на мой взгляд, талантливых, оригинальных, ярких и горящих творческим воображением. И в океане-поэтической мысли мне удалось выхватить два дара, две противоположности: поэт и поэтесса. Нет, здесь не будет кроваво-ажиотажных батлов, дуэли рифм... Нет же! Здесь только строки, пронзающие смыслом, заставляющие встрепенуться, а, порой, и открывающие истину.

Итак, начнем...

Дар первый... Ирина Черницкая

Родилась и живу в Архангельске!

Поэтический дар получила совсем недавно! Года три назад счастливый случай или судьба подарили встречу с человеком, который открыл в моей душе этот тайный уголок, после чего душа засияла своим истинным светом.

В реальной жизни пока нет нужных достижений, если не считать сборников, где опубликованы мои стихи и песен, написанных так же на мои стихи (это огромный успех, в моём понимании), но на сценах не выступаю, в книжных магазинах родного города мои творения не продаются.

В жизни виртуальной заслуг больше. Есть своя маленькая группа в ВК, являюсь подписчиком группы «Коллегия поэтов и прозаиков», в которой признаны мои стихи, за что я очень благодарна! В этой же группе стала участником и победителем, наряду ещё с десятью авторами, в номинации «Мастер пера»! Есть много грамот, открыток, благодарностей и в других номинациях!

Так же участвую в различных конкурсах и в других группах (очень нравится таким образом развиваться), где тоже есть победы и не мало! Люблю писать стихи на любые темы! Считаю своё увлечение – хобби!

Искренняя, сияющая изнутри, теплая в общении – вот как бы я описала эту поэтессу. Но ее творчество далеко не «солнечные зайчики» и не «ромашики-цветочки». Ее произведения – то хлыст правды, то глубокое созерцание, а то и актуальная, социальная проблема. Окунемся же скорее в творчество Ирины Черницкой!

Где-то звоном на колокольне...

Где-то звоном на колокольне
Отпевают страну мою!
И шипящие угли в домне
Пеплом в урне да к алтарю!
На иконе – Святой Угодник!
Боже, где ты – забытый свет?
И свеча – вседержавный сотник,
Крестик Батюшки – амулет!

Видишь девочку в красном платье?
В ручках молот, звезда и серп!
Это наше с тобой проклятие,
Это нашей души вертеп!
Трудодни – за работу плата,
Посевная – за здравие!
И иконка – оправа – платина,
Обделённая сие вниманием!

То ль гранит, то ли чёрный мрамор —
Кровь и смерть чередою, плач!
Обрядился в прозрачный саван
Распоясавшийся палач!
Журавлиные крики громкие
И «Славянка» – по сердцу нож!
Не сдались человеки стойкие!
У Огня: слёзы, радость, дрожь!

В покаянии над разрухою
Солнце яркое да луна!
Поднимаясь с колен старухою
Омолаживается страна!
Целина кукурузой полнится
За Главою стоит Глава!
Поцелуем единым, Господи,
Избалованы до темна!

Поднебесия покровитель!
Прославляет его страна!
Пусть развязан шнурок! Воитель!
Не страшна нам миров война!
Небо звёздное, покорённое
И доказана пустота!
Взгляды страстные, устремлённые
Всё туда же – за облака!

Олимпийского Мишки звонница —
По щеке всей страны слеза!
И несётся лихая конница:
«Слава партии!» – без конца!
Боже, Боже, а были счастливы,
Были верными той стране!
И мечтами, как маслом маслены,
Открывались любой весне!

Настороженной тишиною
Замирают сердца людей!
Может, думают: «Стороною,
Стороною тот коллизей?»
Да, куда там! Метла по-новому —
Августовский прицельный пугч!
И лишь кучка к тому готовая
Видит солнце и крестный луч!

Перестройка! С пятном правительство —
Всё за водку отдать пора!
С триколором мальчишки воинство —
Это наша теперь страна!
Перекрестимся пред иконами,
Снова вспомним девчонку ту!
И помянем её с поклонами —
Стопка с хлебом да к алтарю!

А давай мы с тобой...

А давай мы с тобой
Вновь слушаем осень —
Лёгкий шелест опавшей,
Пожелтевшей листвы,
Громкий крик журавлиный
Над уставшей рябиной
И дождя стук печальный
В полуночной тиши!

Молча плачут осины
В ярком бархате солнца!
Ветер свежий колышет
Красных клёнов листву!
И опять над рябиной
Слышен крик журавлиный,
Словно, просят прощенья
У костров журавли!

А давай мы с тобой
Вновь слушаем осень!
Снова дождь по карнизу
Барабанит с утра!
Старый тополь под небо —
Ветки стонут со скрипом,
Словно, кто не умело
Раздувает меха!

Снова крик журавлиный
Над потухшей рябиной,
Снова шелест опавшей,
Пожелтевшей листвы!
А давай мы с тобой
Вновь слушаем осень —
Эту песню красивой,
Музыкальной поры!

«Погибшие деревни...»

Погибшие деревни
С забытыми церквями,
С поросшими погостами,
С домами, как пеньки,
С дорогами ковыльными
Под облаками пыльными,
Болят ли ваши душеньки?
Болят ли угольки?

Я знаю, горемычные,
Что раньше, как привычное,
Встречали вы рассветы
И ясные деньки!
Старушки у завалинки!
Скрипучий снег да валенки!
Закаты разноцветные
И звёзды – огоньки!

По праздникам нарядные,
Людьми, землёй богатые,
А звоны колокольные —
По всей округе! Боль!
Трепещет сердце – где же вы
Сегодня безутешные
Под сенью, под туманами
Храните свою соль?

Теперь совсем не нужные,
Своей судьбе послушные
Гармони, полисадники,
Колодчики с водой!
Ваш пепел прахом стелется!
И всё же так не верится,
Что деревеньки русские
Уж не вернуть домой!

*Читаю и перечитываю... Эх... мое! Откликается-то душенька как!
И страну отвечает, и деревеньки погибшие оплакивает, и осень слушает...*

Дар второй – El Suleymanov

Всем привет!

Зовут меня Эльшат Сулейманов, для друзей просто Эл! И сегодня мне представилась честь немного рассказать о себе нашим дорогим читателям!

А начать приоткрывать завесу своих тайн мне бы хотелось с представления моего родного города! И этот город – Тула! (Вот так неожиданность, правда?) Мой любимый, мой родной город! Город, где жили и творили такие глыбы мировой литературы как Толстой и Тургенев (а места связанные с их творчеством – Ясная поляна и Бежин луг – давно стали нарицательными и известными каждому). Город, где трудились гениальные конструкторы и выдающиеся изобретатели! Город – герой Великой Отечественной Войны! Город, по праву считающийся оружейной столицей нашей страны! Этот город навсегда в моем сердце, и я искренне горжусь им!

ПИШУ, ПОТОМУ ЧТО...

Отвечая на этот вопрос, хотелось бы сразу отметить, что писать стихи я начал совершенно недавно! А именно лишь в ноябре 2017 года. Поэзия ворвалась в мою жизнь резко, стремительно и внезапно! Так, как, наверное, и должна приходиться настоящая любовь всей жизни! И сейчас уже пишу я потому, что просто не могу иначе!

*Легионами букв мысли в строки,
Мои чувства... Секреты... Грехи...
Открывая Вселенной чертоги,
Воскресят мое сердце стихи!*

ВДОХНОВЛЯЕТ...

Продолжая движение в заданном творческом направлении, нельзя не отметить то, что является в большинстве случаев определяющим фактором для всех творческих людей! А именно – ВДОХНОВЕНИЕ!

Для меня это не скупой термин, а состояние души! Любовь и внутренне извержение эмоций – вот, что, на мой взгляд, является главным катализатором вдохновения! Ведь толь наполненные искренними чувствами и переживания стихи можно назвать **НАСТОЯЩИМИ И ЖИВЫМИ!**

БЛИЗКО ПО ДУХУ...

Не хочу произносить заезженных и высокопарных слов! Вот честно! Все мы люди, и все не идеальны! Каждый может быть тем, кем хочет, и каждый вправе жить так, как считает нужным! Но...

Лично для меня есть два ключевых качества, которые являются неоспоримым приоритетом! Доброта и честность! Ведь все, что нам сегодня нужно, в этом сумасшедшем мире – это быть добрее друг к другу и честнее! Честнее и с другими, и, в первую очередь, с собой!

ВМЕСТО P. S.

Друзья, а в заключения нашей теплой беседы, хотелось бы пожелать вам всего самого доброго и светлого! Пишите, творите, вытворяйте! Будьте искренними в своем творчестве и своих чувствах! И помните, что наша жизнь, как детская «раскраска», и какими цветами ее разрисовать, зависит лишь от вас! Ярких Вам жизненных красок! Удачи!

От себя хочется добавить, что El Suleymanov – эмоциональный и чувственный поэт. Нежно-страстный романтик, но, в то же время, героически-революционный бунтарь. Стихи этого поэта —стройны, ритмичны, насыщены образами, динамичны и вкусны... Но! Хватит слов, пора переходить к творчеству этого яркого поэта...

А знаешь, душа шепчет имя твое лишь, любимая...

А знаешь, душа шепчет имя твоё лишь, любимая?
А знаешь, по венам не кровь, а хмельное вино,
Километраж... Календарь... Это цифры лишь... Мнимое...
Ведь мне без тебя и под солнцем весенним темно!

Наш лейтмотив не на правилах общества зиждется,
Наш лейтмотив – а саpella безумных страстей,
Наше либретто судьбой-чародейкою пишется,
В прах разметав все ранжИры бесцветных мастей!

Я гейзером жарким в бездушной холодной Антарктике,
Проталину-путь проложу сквозь вселенские льды,
Ты стала навеки моею бескрайней галактикой,
Любимую женщиной стала навеки мне ТЫ!

А мне говорили, что нет настоящей любви...

А мне говорили, что нет настоящей любви,
Что жизнь не кино, а сплошная рутина привычки,
И чувства истлеют подобно истаявшей спичке,
На сердце оставив болезненно – рваные швы!

А мне наплевать... Я в омут с шальной головой,
Она – лучезарное солнце в любое ненастье,
Ведь пахнет она самым искренне-сладостным счастьем,
Став в жизни-дороге моей Вифлеемской звездой!

Когда она рядом – ладонью касаюсь небес,
Руками любуюсь и волосы глажу беспечно,
В глазах этих карих я сердце оставил навечно,
Она для меня как оплот первозданных чудес!

Мы с нею без фальши под светом небесных светил,
Целуясь, под куполом лунным гуляем по крышам,
Она как пророчество мне предначертана Свыше,
Ее всей душою навеки ведь я полюбил!

Камуфляжные пятна на карте чумою зловещей...

Камуфляжные пятна на карте чумою зловещей,
Будто «черная метка» уродливых рук Сатаны,
Жерновами ржавёлыми жизнь для безвинных калеча,
В громогласных раскатах священно-безбожной войны!

Мир безумных абстракций, как театр немого абсурда,
Шапито-гастролёр с полной труппой растленных страстей,
Для наживы не грызть чье-то горло – почти что преступно,
А «игрушки» всеильных омыты слезами детей!

Где с призывом «ЗА МИР» выжигаются цельные земли,
Колыбельную пулями воеет в ночи автомат,
Ни писаньям Корана, ни Библии с Торой не внемля,
Кукловоды кровавые судьбы народов вершат!

«Миру – мир!» – разольётся по свету священной молитвой,
Пусть с улыбкой звучат и «привет», и «шалом», и «салам»,
Не угодны Всевышнему распри народов и битвы,
Ледники пусть растают, восполняя души Иордан!

*Как же хочется, чертовски хочется остаться в этих стихах...
Буквами, рифмами, музой, смыслом... Да чем угодно! До чего же живы эти
произведения! Даже кажется, что можно дотронуться до каждого образа,
прожить его вместе с автором... Bravo!*

Графский особняк Ведущий: Андрей Ноябрь

Дорогие друзья, завершается год, и его надо достойно проводить: посидеть на дорожку, выпить на посошок, дать ему с собой магарыч со словами: «Спасибо, что был!»

Лично я, собак больше свиней люблю. Но Новому году в зубы не смотрят. Если наступает год Свины, это не значит, что все друг другу будут подкладывать «её», сопровождая свои действия и подянки хрюканьем. Против свиней я ничего не имею.

Вот кабанов боюсь. Видимо, с детства пошло. Крепко засела в голове бабушкина история о том, как один мужик столкнулся в лесу с целым кабаньим семейством. Бросился мужик наутёк, еле успел вскарабкаться на дерево. Но самец так это дело не оставил: начал клыками подрывать землю вокруг, кромсать корни. В конце концов, дерево повалилось. И не стало мужика...

Будучи впечатлительным, я бабушкину историю впитал в себя, как сухая земля – свежую струйку воды. С тех пор кабаны вызывают во мне ужас.

...О чём это я? Вроде бы речь у нас о «Последнем ЛИТО» должна пойти. Всё верно. Но прежде чем вы окунётесь в мир поэтов, расскажу вам ещё кое-что.

Вас ждёт сюрприз – в виде «запрещённой» главы. Называется она «Удар по Балабанову».

Когда готовили предыдущий номер, мне позвонила Валентина Иванова, занимающаяся вёрсткой и выпуском журнала.

Валентина повергла меня в ужас, в чём-то сравнимый с тем, который испытал мужик, сидя на дереве.

В роли «кабанов» выступили моменты, связанные с использованием имён публичных людей без их согласия. Закон о защите личных данных, не хухры-мухры.

Дело в том, что в главе вскользь упоминаются Юрий Лоза и Алексей Балабанов (творчество которого я уважаю и люблю). В тексте я не позволил себе никаких оскорблений в адрес Лозы. В адрес Балабанова я выражал только тёплые чувства.

Первый вопрос, который Валентина Иванова задала мне, прозвучал примерно так: «Как вы думаете, не будут Юрий Лоза и Алексей Балабанов против того, что вы используете их имена в своём художественном произведении?»

Я ответил, что Балабанов точно не будет, потому что его, к сожалению, уже 5 лет как нет в живых, а вот по поводу Лозы я так не уверен. Валентина – тоже.

В памяти сразу всплыли скандалы Юрия Эдуардовича, которыми он последнее время славится, как раньше славился своими песенными хитами.

Конечно, от Лозы можно было ожидать, что угодно. Мы же не знаем его мыслей. Может быть, он любит раз в неделю набрать своё имя в поисковике yandex...

И вот вам ситуация: в очередной раз Юрий Эдуардович, по заведённой традиции, устранивается перед монитором, пишет запрос «Юрий Лоза» и, промотав несколько ссылок, к своему ужасу натывается на неизвестное Интернет-издание «Луч Светы». А там о нём речь.

Когда я представил эту картину, мне стало опять страшно, как тому мужику, забравшемуся на дерево.

Если я соглашался на печатание главы, я должен был подтвердить, что всю ответственность в случае возникновения спорных ситуаций беру, как автор произведения, на себя.

В моей голове одна за другой сменялись картины, достойные Босха и Гойи.

Автора «Последнего ЛИТО» вызывают в суд. Истец – Лоза. Ответчик – Григорьев. Песню «Плот» я обожаю, но любовь эта меня бы вряд ли спасла – утонул бы, как пить дать.

Было решено не отдавать эту «злосчастную» главу на печать.

...Но время прошло. А оно, как известно, лечит. А у страха, как все мы знаем, глаза велики.

Ради вас, дорогие читатели, я иду по лезвию ножа. Собственно, обратной дороги нет. Читайте и не говорите потом, что я о вас о не думаю.

Глава «Удар по Балабанову» и ещё две – в этом номере.

А я пошёл проверять засовы на воротах «Графского особняка». Хотя вряд ли это спасёт.

Пока не пришли за мной, пойду разожгу камин, что ли.

Пропадать, так с музыкой горящих поленьев!

Удар по Балабанову

Потом в перерыве Вася не мог найти себе места и незаметно примкнул к кружку, образовавшемуся вокруг поэта, скрывающего свою лысину.

Краем глаза Вася вдруг заметил, что Щебетов в этот момент далек от искусства. Его руки любовно скользили по женским коленям (девушка с длинными пальцами и Щебетов сидели за старомодным столиком). Петя думал, что он заслоняет спиной деяния рук своих, но от Васино взгляда ничего не укрылось. И вот Петины пальцы скользили, а девушка мило улыбалась – со стороны могло показаться, что ничего такого не происходит. Но Вася чувствовал: по ее телу пробегала дрожь.

Потом ему стало стыдно смотреть исподтишка, и он постарался со всем вниманием вникнуть в беседу.

А говорили о Балабанове.

Был такой режиссер, на тот момент, лучший в Петербурге (если не забыли, все это происходило в городе Трех революций). И вот этот талантливый художник, по мнению члена Союза писателей, пагубно влиял своими фильмами на молодежь.

«Бред какой-то», – подумал Вася. Но, как говорится, Васька слушает, да ест.

А член Союза писателей с пеной у рта доказывал, как это хорошо – что Балабанов уже на том свете. Потому что если героя с пистолетом в руках возводят в положительную категорию – это ужасно. А в фильме «Брат» так и было. Данила Багров убивал буржуев и их сподвижников – спокойно и очень холодно.

– Но ведь для блага, – попробовал возразить кто-то.

Лучше бы он так не делал. Потому что «член в бейсболке» его чуть в морду не ударил за такие слова.

Вася еще не очень понимал представителей этого поэтического мира, но свои представления о мире вообще у него уже были. Ему очень нравилось высказывание

Орсона Уэллса: «Режиссура – это самое удобное место для посредственности.» То есть, не снискав счастья в других художествах, человек прыгает с головой в эту профессию. Впрочем, режиссер режиссеру рознь. Быть талантливым режиссером – подвиг. Увлекать своими идеями, выбивать деньги на их реализацию и не волочиться на поводу у продюсеров – подвиг. А плохие режиссеры – халтурщики. Плохие, в том смысле, что снимать умеют, а их самих в фильмах, которые они делают, нет. А в Балабановских – сам Балабанов был. То же в литературе: когда читаешь и понимаешь, что вот они, все неудачи автора, как на ладони, вот крупницы его комплексов, вот – лоскутки душевных состояний, которые автор умело вложил в своих героев. Автор, по мнению Васи, обязательно должен ощущаться в произведении; чем талантливее автор – тем громче звучит его голос. В режиссуре – сложнее, публичная профессия. Это ты – приносишь свои идеи и мысли, предлагаешь актерам делать и думать так, как думают и делают герои, вышедшие из-под твоего пера. Хотя большинство «снимателей фильмов» с уже готовыми сценариями работают, и в таком случае всегда можно сказать: «Да, сценарий голимый. А я что, я режиссер, оценки ставлю, делаю так, чтобы ваши поступки, господа актеры, выглядели правдоподобно.» В этом плане писателям легче – они наедине с собой, и никто им не нужен, не смущает в момент самый сокровенный, в момент творчества. Никому ничего не требуется объяснять. Главное – перед собой быть честным. Герои будут вынуждены думать и делать так, как хочет автор, и оживут – только при прочтении. С бумагой легче – чем с живыми людьми: актеры капризничают, а бумага все стерпит. Но актеров пожалеть надо – они народ подневольный, себе не принадлежащий, может, даже и вторичный народец...

– Я был актером и был режиссером, – услышал Вася всхлипывающий голос человека, но не мог разглядеть его лица. – И я бросил это занятие, потому что помимо таланта актера – нужен талант руководителя, а это не каждому...

– Дай мне про Балабанова договорить! – поэт в бейсболке был багровым, и волосы, вспотевшие от долгого спора, смешно завивались, как блестящие, железные стружки...

Вася вспомнил, как Балабанов плакал на одной из телепередач, куда его пригласили. Перед этим была показана последняя картина режиссера. И по традиции – слово автору представлялось в самом конце. Все это время он не имел права голоса. Ругательства же и похвалы сплетались в один огромный клубок, и ведущий с улыбкой Мефистофеля уже занес клюшку, чтобы нанести удар по клубку, удар – по Балабанову. И вот режиссер, сидевший все это время тихо и скромно, начал оправдываться. И была произнесена фраза: «Многие сюжеты и образы я брал из детства. В этих картинах – моя жизнь.» А губы дрожали, как ягнята с золотой шерстью – потому что за хлебом бродит наглый серый волк и стучит зубами. Балабанов – плакал. И главное – все его фильмы о себе. Он снимал, как хотел. До самой смерти.

– Он ушел на темную сторону! – вырвалось у Бейсболочника.

– Почему он не с нами... Он бы мог, он бы еще... – это Вася опять услышал совсем рядом. Кто говорил? Может, бывший актер-режиссер?

Потом Вася узнал, что фамилия поэта-ненавистника, кому не давал покоя гений Балабанова – была до ужаса нелепая. Нелепая в том плане, что носить такую не стыдно, если пишешь действительно талантливые стихи.

– Его фамилия Цветаев, – сказал Петя Щебетов.

– Псевдоним? – спросил Вася.

– А вот я не уверен...

Когда закончился перерыв, и поэты, как ленивые пчелы, потянулись в свой улей – вдогонку к мыслям о Балабанове Вася вспомнил певца Юрия Лозу, который некрасиво себя повел на той передаче. Даже если это была инсценировка, и все знали, что сейчас Лоза, автор популярной песни «Плот», встанет и выйдет из зала – все равно нет ему прощения. Негодование Лозы было по поводу того, что режиссер Балабанов взял одну из лучших песен певца, и в то время, как она звучала, на экране происходило черт-те что, извращение какое-то... При этом глаза Лозы раздулись и начали походить на чудовищ: Вася представил, что сейчас они вылетят из орбит и вопьются своими зубками в искреннее доброе бородатое лицо Балабанова.

Васе поступок Лозы казался смешным и ничтожным.

Лозе уже изрядно пропах нафталином, порадовался бы, что о нем вообще вспомнили, вытащили на свет Божий. Будь счастлив Лоза, что твой хит попал в саундтрек к фильму талантливого петербургского режиссера. А тебя и видели-то последний раз на экране, в какой-то передаче на канале «Россия», где ты в импровизированной парилке среди прочих пронафталиненных сидел. И вот сидел этот Лоза и байки травил. На голове полотенце, голое тело, завернутое в простыню. Наверное, и тазик где-то припрятан. И такое негодование у Васи вызвал этот поступок хорошего в общем-то певца – что он даже вслух выразился на этот счет. А его мама в этот момент сказала что-то не в тему, что-то такое:

– Какой у Балабанова неопрятный вид. Волосы грязные. Мог бы помыться перед съемками.

Бедная мама. Она думала и переживала о своем – на тему чистоты и опрятности, что если позвали тебя на 1-й канал, надо обязательно выглядеть хорошо, к тому же ей, наверное, как и Лозе, было непонятно, зачем показывать на экране, как насилуют женщину бутылкой.

Вася пожалел, что у поэтов не заступился за Балабанова, что позволил Цветаеву поливать грязью человека, которого уже давно нет на земле, но в фильмах которого есть то настоящее, живой дух, который чувствуешь, когда склоняешься над цветами или когда читаешь талантли-

вую прозу, и понимаешь, что писатель связал из слов свитер, в котором тепло и удобно, и пусть у него сложная вязка – но не в этом ведь дело.

Вот обо всем об этом Вася думал, возвращаясь после перерыва к поэтам в теплую комнату. И он жалел, жаждал, предвкушал, что на все темы, которые его волнуют, а его родителям не очень понятны, не близки, не жизненно необходимы – Вася теперь сможет общаться в среде себе подобных.

Дай Бог, чтобы Цветаевых было меньше, и нашлись те, кто видит в фильмах Балабанова отзвук, отражение всемирного творческого света, который падает не на всех и светит – не на каждого. Если лучик такой упал на тебя – ты счастливый человек. Те, кто сидят в тени – дуются и брюзжат, потому что про них никто не говорит, как они талантливы. Они – способные, профессионально подкованные. Но им остается только критиковать таких, как Балабанов. И все.

Или демонстративно выбегать во время съемки из зала, оставив после себя шлейф недоумения.

Вася не знал, с чего начать...

– Иди сюда!

Вася еще не отошел от читки, а тут новое потрясение: рука с длинными пальцами, перстни на которых блестели, как короны фей, поманила его, и Вася послушно пошел за женщиной-кошкой, поплелся, не зная зачем – как за чарующим запахом только что испеченного хлеба.

Они остановились в комнате, где раньше жила прислуга, а теперь висела только верхняя одежда поэтов. Пикантность ситуации была явной. Васе стало неловко, что ему надо что-то делать, а он боится, а красивая женская фигура перед ним требует действий. Или – не требует, как быть?

– Я с Петей Щебетовым пришел.

– Да уж знаю. Он мне все уши пропел.

– Да?

В этом вопросе Вася выразил все свое восхищение – и тем, что Петя такой молодец, заботливый друг, и что он, Вася, скромный и честно не ожидал, и что она, та, что стоит перед ним – такая, что закачаешься.

Не зря мы здесь, думал Вася. А то, что у девушки очень стройное тело и взгляд ее горит особенным огнем, который все бывалые мужчины, испытанные в боях любовники, распознают сразу – это прямой призыв к действию.

Вася не знал, с чего начать. Не понимал, что нужно говорить в таких случаях. Ему было страшно и сладко от того, что сейчас может произойти. Стремительность происходящего шла вразрез с Васиными представлениями о том, как завязываются отношения между мужчиной и женщиной. Вася не дарил девушке цветов, не водил её в театр, не провожал до дома – и, тем не менее, оказался с этой девушкой наедине. Ситуация, прямо скажем, пикантная. Вася еще сомневался в истинности своих предположений, но когда в руках еврейки появился ключ, похожий на клюв птенца – Вася понял, что не ошибся: клюв уверенно вошел в гнездо замка, так что дверь теперь охраняла их от вторжения посторонних.

– Молчи. Я все сделаю сама.

А Вася и не хотел говорить. Видно, какой-то печатью девственника он был отмечен. Только мысль: «У меня нет резинового изделия!» сверлила перфоратором в его кудрявой голове. А еврейка надвигалась, как туман. Вася застыл, как столб. Потом их глаза встретились. Вася навсегда запомнил взгляд женщины, помешанной на сексе.

Правда, сначала он подумал, что она больна чем-то. Ее трясло, глаза закатились, перевернулись там, внутри впадин, и белки скакнули, как два неба, и закинутое лицо, и порывистые движения оголенных до плеч узких белых рук. Вот – Васины руки, насильно взятые, поднятые

к большим грудям, неумело ползают по красному топику, пробуют мягкость тела, а женщина целует беспорядочно Васино лицо.

Вот она ползет губами по его телу, длинные пальцы торопливо щупают рубашку, и голова еврейки стала быстрой, как футбольный мяч в ногах нападающего, (и) разметанные черные волосы были похожи на крылья вороны. В Васеньке росло что-то ему неведомое, сравнимое с детским тайным лазанием в буфет за малиной, когда вдруг ловишь себя на мысли, что мир вокруг каким-то странным образом остановился, и существуют только раскрытые настезь дверцы буфета, куда ты запустил свою руку с чайной ложкой. Хотя – ложь, не было в его жизни такого. Это из книг, из песен. А было у него сладостное чувство преступника, когда он поднимался в лифте на свой этаж, в квартиру, где жил с родителями, а в кармане лежал украденная в гостях батарейка, севшая, квадратная, а на ней нарисован красивый слоник. И он, Вася, стащил ее. Точнее – взял без спроса, после того, как папа мальчика, у которого он был в гостях, снял заднюю крышку лунохода и со словами: «Надо новую!» – положил эту чудную вещицу с изображением слоника на ковер. Что-то продолжалось дальше. Поставили новую батарейку, гусеницы игрушки пришли в движение, был чай на кухне – все это не важно – Вася думал, как бы украсть, взять то, что ему не принадлежит. А всего-то надо было попросить ее. Это же барахло. Вася не стал так делать. Наверно, в силу того же барьера, который мешал ему встречаться с девушками – страх услышать отказ. В невыносимых душевных муках, оставшись один в комнате, он схватил желтый квадратик, и, уходя, ему казалось, что о воровстве знает вся квартира. Батарейка жгла ему пальцы, сжимающие ее в душном кармане – весь путь до дома, всю дорогу до лифта.

Где теперь эта батарейка? Вася не знал. Так же, как и то, что он будет делать, когда все закончится. Все стихи мира в эту минуту были ничтожно малы, а его собственные – ничего не значили. Даже если в двери сейчас заскрипит такой же, как у еврейки ключ, и замок предательски щелкнет, и какой-нибудь поэт типа Цветаева увидит его, мальчика, который пришел почитать стихи, поэта, занимающегося черт-те чем среди верхней одежды, и сбежится куча любопытных – пусть! Пусть так, думал Вася, ведь то, что делала эта девушка-кошка с его телом, было здорово.

«Какие у нее чуткие пальцы! Мама, если бы ты знала, как мне хорошо сейчас, я – счастливейший человек!» Он стоял, а девушка, жадно припав в нему, делала все, чтобы мальчику было хорошо, а потом:

– Ложись на меня.

И он лег. Сначала – она, а он – на нее. И чей-то полушубок был под ними. Вася обрадовался, что девушке мягко в этот момент.

– Не волнуйся, все будет хорошо.

А он успел увидеть ее натянутую шею, и как девушка руками зажимает себе рот и давит крик, хлопающий крыльями у нее во рту, и только шепот: «Черт! Черт!», а Вася думал: «Бог! Бог!» И мужской общий поток, к которому подключаются все любовники в такие моменты, захватил Васю и понес. Он был где-то груб, где-то напорист, местами очень точен – именно потому, что в первый раз. Вася уже не понимал, кто он – поэт, подонок или еще кто – но все его тело жило в этот момент интересной жизнью.

Васенька не мог объяснить словами – но похожее чувство у него уже было. Оно накрыло Васю в момент написания удачных стихов, когда всё вокруг казалось безобидным и дружелюбным, а ты сам – вне этого, и нисколько не паришься по поводу своего отсутствия, точнее – присутствия в мире, который для тебя в этот момент не существует.

Только эти чувства, даже призраки чувств жили с Василием до тех пока он не засыпал, он долго лежал в кровати, глядя на бумагу со свежими стихами – и ему было даже страшно, что сон не идет к нему, но все равно блаженное состояние не исчезало внезапно. Просто утром Вася просыпался, и первая мысль: «Господи, я такую талантливую вещь написал.» И никакого

стыда. И вот идешь к письменному столу, а там стихи. А тут, когда все закончилось, Вася вдруг понял, что ни дверь, ни поэты за этой дверью, ни сама квартира никуда не делись – и это сон.

Все внезапно оборвалось, на самой сладкой ноте – и сна не было, перехода не случилось...

– Тебе понравилось?

– Очень! Кто ты?

– Ха-ха! – засмеялась девушка, груди которой были обнажены. – Я стала частью твоей жизни. Только не придавай мне большое значение!

– Почему?

– Воспринимай меня, как стихотворение, которое у тебя очень удачно получилось...

– Но... – в Васе проснулся поэт. – Мне бы хотелось еще раз написать это стихотворение...

– Конечно, конечно...

И вот вы можете не верить, говорить: чушь собачья, как это у них все слаженно, под боком у поэтов, и ничего, ни разу не постучали! Почему, может, и дергали за дверную ручку. Но раз закрыто – дальше пошли. И кто вам сказал, что все было именно так?

Васю просто лишили девственности. Не в каком-нибудь Союзе писателей, а в ЛИТО. Наш герой, напомним, был романтик, многого не знал: например, что в стене был глазок – в него смотрел некто... Сидел на стуле, который не скрипел (новенький почти стул) и испытывал чувство почти такого же характера, что и у этих двоих. Грязненько, конечно, это выглядело, но это – жизнь. Только Васенька не знал, что за ним подсматривают. А узнал – ему бы не с руки стало. Он бы весь мир возненавидел. Ведь как это, если в момент, когда ты творишь – за тобой следят. Поэт Языков, живший во времена Пушкина, вообще не мог сочинять стихи, если в соседней комнате кто-то был. Также и Васенька – не смог бы ничего. Слава Богу, он не знал, что они – не одни сейчас... А кто это был... Какая вам разница. Все равно же вас там не было. По крайней мере, на стульчике сидел и слегка покачивался тот, от кого зависело, когда заканчивается перерыв.

Но хуже другое – еврейке так хотелось в этот момент сказать Васе нечто очень важное. И желание это родилось у нее от той нежности, от того безумия, которое проснулось в Васеньке и которым он не управлял.

И хотя после того, как все случилось, он опять стал прежним, стеснительным мальчиком, она не могла забыть это. Лежала и думала: «Он – не Петя Щебетов. Он – нежный. И у него такие искренние стихи.» И то, что мальчик, смущенно застегивающий брюки, влюбленный в нее сейчас, что естественно, ни о чем не догадывается – мысль эта не давала ей покоя. А сказать, предупредить не могла, потому что тому, кто следил, это бы не понравилось..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.